

дать ему какую-то одну устойчивую характеристику. Любопытный пример из известных тартуских публикаций. Редактор сборника студенческих стихов приват-доцент Б. В. Никольский, решительный противник «новой поэзии», своим подопечным рекомендует Блока «как даровитого поэта в лестных для начинающего выражениях» (воспоминания С. Штейна в публикации В. Беззубова и С. Исакова)<sup>4</sup>. А в личном дневнике тот же Б. В. Никольский говорит ведь совсем иное: «убогий полудекадент Блок», «декадент», «декаденствует совершенно зря»<sup>5</sup>. Противоречие налицо. Но Блок в то время, действительно, увлекается декадентским «новым» и с муками для себя познает его изнутри. Пишет «скорпионистые», как он сам говорит, стихи, считает их «хорошими» и надеется, что в «Скорпионе» это будет замечено (см. I, 616); записной книжке своей (запись за 1 мая 1904 г.) — точь в точь так же, как некогда Брюсов, поверяет склонность «вести толпу»<sup>6</sup>; и, наконец, не только лично тянется к брюсовцам, но и в самом Брюсове хочет распознать как бы тайного «соловьевца», всего лишь скрывающего от людей мистическое «знание о Ней»<sup>7</sup>. А если спорит с Брюсовым, то подчас в терминах внутридекадентского спора, с религиозно-символистских позиций. Таков был Блок университетских лет.

Одновременно жизнь и ум влекут к другому: Блоку хочется подавить и превозмочь декадентское начало в своей лире. Вспомним слова знакомого нам Б. Никольского — «декадентствует совершенно зря» и «убедить, конечно, нельзя (. . .). Но можно убедить лечиться». Или: «еще может покаяться Блок»<sup>8</sup>. Этот подлинный глас вопиющего в пустыне (ибо никто тогда не ждал от Блока «покаяния» — наоборот!) оказывается буквально пророческим. Блок именно кается — и меняет позиции. Его яркая и с мукой выдвленная фраза из письма задуманному другу Е. П. Иванову за 25 июня 1906 г. «ненавижу свое декаденство, бичую его в окружающих» (VIII, 151) могла бы служить эпиграфом для многих лирико-публицистических выступлений поэта в начала XX в. Но все это — именно уже в университете или даже после, и преимущественно в начале XX, нынешнего века.

Однако что же было раньше? Да и было ли вообще что-нибудь «до первых курсов университета», до осени 1898 г.? Тут на какой-то момент можно и отвлечься от вопроса о знакомстве с декаденством: было ли тогда у Блока что-то интересное хотя бы просто в смысле значительности созданного?

Поначалу представляется, что и этого не было. И такое представление о ритме развития Блока тоже как бы специально завещано критике самим поэтом.

В самом деле: с поступлением в университет Блок связывает не просто первое освоение сделанного на то время «новой поэзией», но и начало собственного «серьезного писания». *«Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет»*, — говорит он в той же автобиографии из венгеровского издания 1915 г. И критика охотно следует за этими ориентирами. Характерен вывод новейшего — и обстоятельнейшего — обследования творчества юного Блока «...период начавшегося серьезного сочинения стихов (. . .) Ал. Блок совершенно точно датирует 1898 г.»<sup>9</sup>. В каком-то смысле повторяющиеся датировки, действительно, совершенно точны: они неукоснительно следуют самопризнаниям Блока.

<sup>4</sup> Блоковский сборник. II. Тарту, 1972.

<sup>5</sup> Там же, с. 329, 330.

<sup>6</sup> Блок А. Записные книжки. М., 1965, с. 64. Брюсовский лозунг «Вождем буду я!» (4 марта 1893 г.) см. в изд.: Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 12.

<sup>7</sup> Соответствующая запись в автографе (записная книжка за весну 1904 г.) густо затушевана посередине, и соединить ее разрозненные части в цельный пассаж из трех фраз, как это сделано в указанном выше издании, мы не решаемся.

<sup>8</sup> Блоковский сборник. II, с. 330.

<sup>9</sup> Минц З. Г. Блок и Пушкин. — «Уч. зап. ТГУ», вып. 306. Тарту, 1973, с. 142.